

#ONLINE-БЕСТСЕЛЛЕР

Ли Виксен

#ОХОТНИК НА ВОЛКОВ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В43

В43 **Виксен, Ли.**

Охотник на волков : роман / Ли Виксен. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 384 с. — (ONLINE-бестселлер).

ISBN 978-5-17-098033-8

В мире Королевства двухсотлетней давности бредет по городам охотник на волков — неудачливый зверолов, распутывающий темные дела развращенной аристократии и отчаявшихся мещан повсюду на своем пути. И чем дальше он идет, тем сложнее ему сохранять человечность в самом себе.

А в настоящем загадочный маг со своей невестой вербуют наемницу, чтобы отправиться в самое сердце тьмы, в Удел Мрака, и сразиться с Поглощающим.

Пути охотника и путешественников пересекутся, несмотря на разделяющее их время. И судьба Королевства сделает новый виток.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-098033-8

© Л. Виксен, 2016
© М. Козинаки, фотография на обложке, 2016
© А. Надеев, модель на обложке, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Homō hominī lupus est
Человек человеку волк

ВОЛК ПЕРВЫЙ

СЕЙЧАС

Я ступила на теплый деревянный пол босыми ногами. Выщербленные временем половицы отозвались скрипом. На кровати зашевелилась гора пуховых перин. Из-под одеял выпросталась тонкая нежная ручка с розовыми ноготками. Я ухмыльнулась и надавила на половицы посильнее. Они заскрипели отчаянней. Но ровное дыхание спящей доказало, что битву с чужими снами я проиграла.

Я была обнажена, и свежий утренний воздух холодил мою кожу. Еще вчера я обратила внимание, какое в этой гостиничной комнатушке огромное зеркало в бронзовом обрамлении. Это было удивительно: зеркала — вещи недешёвые. Откуда взялась этакая громадина, метра в два в высоту, в подобном захолустье?

Бронзовую раму покрывала искусная гравировка. Абстрактные узоры вначале показались мне переплетениями лисьих фигур, как на моей броне, но,

приглядевшись, я поняла, что это лишь красноватая листва и цветы. Само зеркало было мутное и покрыто слоем пыли. Я провела пальцами по его глади, оставив на ней чистые дорожки. В воздухе, в луче света, заплясали пылинки.

Я стояла голой перед огромным зеркалом и пыталась рассмотреть себя. Вернее, узнать в незнакомом отражении ту, кем когда-то была. Я провела рукой по загорелым плечам и выпирающим ключицам, по похудевшей груди, твердому, как доска, животу. Прощлась ладонями по бедрам, потерявшим округлость. На смуглой коже то тут, то там выделялись светлые полосы и зигзаги: мои шрамы, моя история...

Совсем не то, что я ожидала увидеть. На мне был фаранк — головной убор заокраинцев, шарф с традиционными узорами ока. Он широкими полосами был обернут вокруг головы, а между его витками проходили пряди волос. Вчера, укладываясь спать, я скинула все, кроме фаранка. Потянув за край, я распустила шарф, и мои кудри упали на плечи, спустившись до лопаток. В копне волос виднелись высветленные пряди. Я прислонилась лбом к холодному зеркалу и вгляделась светло-зелеными глазами в мутную глубину.

— Неужели меня снова подхватил ветер?

Отражение молчало. Перед зеркалом стояла поджарая и суровая Бешеная Лисица. Никаких признаков девочки по имени Лис из прошлого. Новая «Я» не нравилась даже мне самой. Какая-то чересчур серьезная или даже надменная. Я всерьез задумалась, как может кто-то испытывать ко мне симпатию, и с беспокойством обернулась на кровать и ту, которая на ней спала. Но царство сна оставалось нерушимым, и я вновь вгляделась в свое отражение в зеркале.

Мои волосы и глаза так и не обрели свой прежний цвет... а ведь уже прошло два года. В мысли вновь ворвались воспоминания, и я, прислонившись спиной к зеркалу, прикрыла глаза и вернулась туда, где все закончилось.

ТОГДА

Повозка ока ездилa вокруг Сиазовой лощины, поскрипывая необитыми колесами. Прошла уже неделя после Взрыва, и кочевники были единственными, кто решился приблизиться к месту, где произошел столь сильный выброс магии. Что бы ни говорили люди, ока искали не мертвецов, чтобы их обобрать. Заокраинцы единственные во всей округе могли представить себе ужасы магического заражения и возможные последствия. Поэтому они искали выживших. Но, увы, находили лишь трупы. Им только и оставалось, что предавать тела земле.

В вербовой роще, подъехав к месту взрыва настолько близко, насколько позволяли их защитные талисманы, ока обнаружили последнее тело. Это оказалась молодая женщина, седая, словно старуха, с широко раскрытыми белесыми глазами. Вид ее напугал заокраинцев, но они решили, что бросать тело нельзя. А может быть, они просто пригляделись и заметили броню, выкованную мастером их токана. Тело закинули в повозку, и, качнувшись, она двинулась назад со своим печальным грузом.

Стоило им отъехать от злополучной лощины, как у возниц за спиной послышался хрип. Это был мой первый вздох за неделю. Одновременно с этим зву-

ком на моей броне с громким хлопком разлетелись в пыль шестнадцать треснувших бусин, подаренных мне когда-то моей подругой Извель. Они достались ей от нашего общего друга, охраняющего путников в дороге.

Ока совещались почти полчаса, обсуждая, стоит ли везти белоглазого демона в токан. Между тем я судорожно и жадно хватала ртом воздух на дне повозки. Сложно сказать, была ли я жива ту неделю, что лежала в лощине. Позднее ока клялись, что я не дышала и была холодна, как самый настоящий покойник. Может, мои магические бусины хранили во мне искру жизни до прихода людей, а может, ока просто не заметили, что я была жива.

В результате решение этой похоронной команды определил мой доспех, выкованный Бороном, мастером их токана. Не видящую, не слышащую и не реагирующую ни на что вокруг, а лишь хрипло дышащую, меня доставили в ближайший токан к Мама-Ока, старейшине заокраинцев северо-востока. Я совсем не помню первые недели после моего чудесного воскрешения. Со слов братьев и сестер мне известно, что на меня потратили много сил и лекарств. Сама старуха Мама дневала и ночевала в шатре, держа ладонь на моем сухом лбу и шепча молитвы своим богам.

Лишь когда радужка моих глаз чуть окрасилась в светло-серый, а призрачная белизна волос потускнела, Мама-Ока поняла, что отвоевала у смерти еще одну жизнь. В тот же день я произнесла первые в новой жизни слова.

— Я не умру, — прошептала я. А затем с неожиданной для полуживой больной яростью прокричала: — я не умру!

Мои силы прибывали с каждым днем. Хотя я боялась утратить слух и зрение, именно эти чувства вернулись первыми. Затем пришли осязание и вкус: я смогла есть лежа. Дольше всего не хотела возвращаться память. Но и она явилась, ударив, словно молотом. Первым желанием было дать волю боли, утопив мир в слезах. Как же я удивилась, осознав, что не могу плакать. Видимо, магия что-то сотворила с моими глазами. Мир обрел краски и четкость, я видела даже зорче прежнего, но плакать больше не могла. Едва я это поняла, мне ничего не оставалось, как рассмеяться. С тех пор приходилось смеяться каждый раз, когда хотелось плакать. Чем больнее или страшнее, тем громче я хохотала. Я замещала одну эмоцию другой, но, как ни странно, это помогло.

Хотя силы вернулись, я не находила в себе духу встать и начать что-то делать. Лишь безучастно лежала в шатре, ела, когда мне приносили еду, спала и смеялась. Но как-то раз одна женщина из тех, что ухаживали за мной по просьбе Мама-Ока, лущила возле моей лежанки орехи и потом оставила пустую скорлупу грецкого ореха. Две одинаковые половинки. Они первыми привлекли мое внимание после того, как ко мне вернулось зрение с остальными чувствами. Сердцевина ореха была вынута, и скорлупа казалась совсем хрупкой. Я сложила половинки вместе и сжала их вялой рукой. Скорлупа не поддавалась, и тогда рука сдавила пустой орех сильнее. Но проклятая скорлупа словно издевалась надо мной. Она оказалась даже прочнее без своей сердцевины.

Это открытие меня потрясло. Скорлупа, пустая оболочка, оставшаяся без какого-либо наполнения, но все еще достаточно крепкая, а может, ставшая еще

прочнее. Ведь защищать ей было уже нечего. В этот день я впервые встала и вышла из шатра.

Мир вокруг, оказывается, жил в своем ритме все время моей болезни. Токан кипел новостями, преимущественно про Сиазову лощину. В городе ока говорят на многих языках, не только на родном заокраинском. На языке Королевства из уст в уста передавались вести о магическом взрыве, сотрясшем весь север. В сердце всплеска никто не совался — магия там все еще кипела, как раскаленный металл. Все жители округа либо погибли, либо пропали без вести. Я единственная пережила Взрыв.

Это подвело меня к мысли о гибели остатков легиона Алой Розы. Не сказать, что я сильно удивилась. Чем все закончится для них, я поняла еще в самой лощине. Но даже эта мысль меня больше не тревожила. Та жизнь закончилась, началась новая — в токани, среди ока.

По правде, братья и сестры не сразу меня приняли. Несмотря на то, что седые волосы и белесые глаза начали обретать цвет, я все еще напоминала привидение, и среди ока ходили разговоры, что я проклята магией. За спиной шептались, что я — Хвоара, персонаж фольклора ока, некто вроде злобного духа. Меня сторонились и, хотя выказывали видимое уважение гостье Мама-Оки, избегали не только случайно соприкоснуться со мной руками, но даже встретиться мой взгляд.

Несмотря на это, мне было суждено стать частью клана. Все началось с желания вырваться из токана, за пределы его незримых стен. Ходить на большие расстояния было тяжело, так как ноги еще плохо слушались. Поэтому я попросила у Мама-Ока лошадь.

На гнедой кобылке я объезжала близлежащие холмы, любовалась закатами и слушала степных птиц. Время словно застыло, а от меня не было никакого проку. Я питалась едой народа ока, спала в его постели, но была бесполезна, как соломенная кукла. И до поры меня это не тревожило.

Но в одну из прогулок я стала случайной свидетельницей жестокой забавы. Степные бандиты преследовали двух гадалок ока, которые возвращались с базара Штольца. Верхом на крупных лошадях, тыкая в них копьями, они гнали беззащитных заокраинцев, словно диких зверей. Я наблюдала за происходящим с холма, минут пять. Рослый бандит с грязно-рыжей бородой и притороченным к седлу трупом мертвой собаки, видимо, решил заколоть жертв насмерть, завершая свое варварское развлечение.

В этот миг какой-то невидимый механизм у меня в голове придал нужный ход беспечным мыслям. Я вспомнила все: и скорлупу грецкого ореха, и ощущение беспомощности из моей юности, и забытый треск-стон ткани, и мягкий удар магического взрыва в лицо — теплый воздух, полная темнота, поглотившая мир, и осознание потери самой большой ценности на свете.

Я пустила лошадь с холма галопом. И прежде чем бандит успел опомниться, накинула ему на шею петлю из сорванного с головы фаранка и буквально вырвала его из седла. Его товарищ словно остолбенел и пораженно наблюдал за нами. Я душила мерзавца долго, возможно, несколько минут. Напарник его, совсем молодой парень, успел прийти в себя и разразился... слезами и мольбами. Отбросив свое копьё, он просил сохранить жизнь его брату.

Но я его не видела. Я смотрела на ока — оставляя на земле кровавый след, они бежали в сторону токана — и вспоминала историю Кима, родителей которого забила камнями охрана аристократа, просто от скуки.

Степные бандиты тоже просто развлекались, может, потому я и душила эту сволочь с наслаждением, какое раньше было мне неизвестно. И что удивительно, внутри не вспыхнул извечный спор между доброй маленькой Лис и суровым двойником Атоса в женском облике. Атос умер. И он победил. Внутри меня остался только зверь.

Когда я отбросила от себя бездыханное тело рыжего бородача, его младший брат уже собрался с духом и попытался напасть. Это дало мне повод. «Ты дал мне повод, — говорила я сотни раз после этого. — Ты сам виноват».

Вернувшись в токан, я разыскала свой доспех с пустыми выемками от бусин из браслета Карамина и корундовый меч с трещиной на лезвии. Не сказать, что я знала, что делать со своей жизнью, но, по крайней мере, передо мной забрезжило хоть какое-то будущее. И оно вело в ратаран.

Ока никогда не были воинственной расой. В Ирбисе, столице их родины Заокраины, процветали магические искусства, а военное дело не развивалось. Однако своя каста бойцов имела и у ока. Когда из-за магической напасти всю Заокраину стерло с лица Земли, а заокраинцы начали мигрировать токанами и поодиночке, выжившие ока из клана воинов создали ратаран. Не более дюжины человек на один токан, они были избранной гвардией и весьма искусными бойцами. Их было до смешного мало, но

особенности боевого стиля, оружие, муштра сильно отличали их от остальных ока — бродяг, предсказателей и гадалок.

Ратаран — приложные воины Заокраины. Они были и при нашем токоне. Но когда я явилась к их предводителю и попросила взять меня в следующий рейд, тощий черный мужчина с белыми тонкими усиками лишь презрительно взглянул на меня, белого призрака Хвоару, и бросил:

— Ромэ!

Это походило на отказ. А я разучилась принимать отказы.

— Я хочу в ратаран. Я не вашей крови, но дайте мне шанс.

— Ромэ! — громко и строго повторил предводитель.

— Вы не знаете моей силы!

— Ромэ! Ромэ!

Меня так разозлили его тон, его тонкие усики и надменный вид, что я кинулась на мужчину, желая вколотить это глупое «ромэ» ему в глотку. И только пара солдат-ратаран, схвативших меня за руки, не допустили драки.

— Ромэ — означает «принята», глупая девчонка-призрак! Чтобы работать с нами, тебе придется для начала выучить наш язык, — заключил глава ратарана.

Позднее я узнала, что его зовут Кашим, — так заокраинцы произносят имя божества-хлебопашца Кашми. Правда, с богом у него не было ничего общего. Его отличали горделивость и заносчивость, но умению Кашима вести бой и обращаться с изогнутой саблей-лакши можно было позавидовать.

СЕЙЧАС

Я настолько погрузилась в воспоминания, что и не заметила, что сижу голым задом на деревянном полу. Половицы нагрело солнце, но прохладный утренний воздух согнал меня с места. Поднявшись, чтобы взять одежду, я направилась к кровати. Она, как и зеркало, была слишком большой для такой маленькой комнаты. Над одеялом вновь мелькнула нежная ручка.

Я не удержалась и присела, как была голышом, на край постели. Среди перин и подушек в обрамлении золотистых кудрей покоилась головка поистине ангельского создания. Если бы меня спросили, доводилось ли мне видеть девушку прекраснее, то я бы с уверенностью ответила, что никогда. Аэле была творением божества, а не земным ребенком. Ее шелковые кудри сияли в утреннем солнечном свете, а нежная кожа персикового цвета была покрыта нежным румянцем на щечках.

Глаза беспокойно двигались под сомкнутыми веками: Аэле снился какой-то сон. Один из тех, что она радостно мне рассказывала, взмахивая своими изящными ручками у меня перед лицом. Губки были чуть приоткрыты, словно в удивлении. Сейчас девчушка больше напоминала картину из замка, нежели настоящего человека.

Я поправила загнувшийся край одеяла, чтобы он не мешал ей и не лез в лицо. Она была так близко, в ключичной впадинке пульсировала тонкая голубая жилка. В какую авантюру ты меня втянула, Аэле? Я даже тихо рассмеялась. Потом проговорила:

— Ты чудовище. Мучающий меня маленький монстр, втягивающий в неприятности.

Аэле во сне перекадилась на другой бок, отвернулась от меня, словно давая понять, что наш разговор окончен. Я выглянула в окно. Птицы всюю уже галдели, утро полностью вступило в свои права. Во дворе гостиницы, куда выходили окна наших комнат, крикливые прачки переругивались около колодца. Вздохнув, я прошла к своей одежде, небрежно брошенной около циновки, — моего ночного ложа. Все правильно: принцессам достаются мягкие перины, а бешеным зверям вроде меня — коврики у кровати, и то если повезет.

Я сменила повязку на подживающей ране, натянула одежду и подняла доспех. Рука задержалась на нагруднике. Металл не потускнел со временем. Даже магический взрыв, превративший в пыль волшебные бусины, не заставил заокраинское серебро потускнеть. Лисы все так же вились золотистыми узорами. Я невольно вновь бросила взгляд на зеркало, но раму все-таки украшали листья, а не «лисий» орнамент, как мне показалось вначале.

Когда я зашнуровывала рубашку и крепила доспех, в голову вновь пришли мысли о прошлом. Я так и не смогла отплатить токану за все, что он для меня сделал. Сбежала оттуда так быстро...

ТОГДА

Ратаран никогда не считался привилегированной кастой Заокраины. Примерный перевод самого слова «ратаран» звучал так: неумный человек с мечом. Это кажется странным здесь, в Королевстве. Но для могущественного государства, чья сила заключалась